

А.А. КОСЕНКОВА

*(Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
Одесса, Украина)*

УДК 821.161.1-1(Бродский И.)»19»

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,445

АВТОРСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ВОЛШЕБНОГО ЗЕРКАЛА В ЛИРИЧЕСКОМ ПОСЛАНИИ И. БРОДСКОГО «НИОТКУДА С ЛЮБОВЬЮ...»

Аннотация. В статье представлено осмысление потенциала феномена зеркальности в стихотворении И. Бродского «Ниоткуда с любовью...». В поле исследования вошли такие показатели авторского мира поэта, явленного в тексте, как трансформация античных мифологем, интерпритация символики зеркала, интертекстуальные отсылки к античности и «Метаморфозам» Овидия.

Ключевые слова: любовный заговор, трансформация, перформативность, суггестия, коммуникация, подтекст, символика, интертекстуальность, мифологема.

Ситуация, сложившаяся в области изучения лирики И. Бродского, представляется неоднозначной. Несомненно, накоплен обширнейший исследовательский багаж в осмыслении и интерпритации текстов И. Бродского. И все же бродсковедение содержит немало лакун. Одной из таких лакун является осмысление образа волшебного зеркала в стихотворении «Ниоткуда с любовью...». Среди стратегий анализа, применяемых к данному лирическому посланию, в качестве наиболее основательных следует назвать изучение структуры авторского «я» В. Куллэ [Куллэ 1990: 159–172], выявление пространственно-временной организации в статье Л. Крыловой [Крылова 2004: 169–172], определение И. Фоменко смыслообразующей роли стихотворения как зачина цикла «Части речи» и гоголевского подтекста в нем [Фоменко 2012: 187–198]. Кроме того, достаточно исследований, сосредоточенных на специфике и самобытности других лирических текстов или же циклов И. Бродского, но при этом так или иначе включающих в свое поле истолкование стихотворения «Ниоткуда с любовью...». Несмотря на столь широкий научный поиск бродсковедов без внимания остался образ волшебного зеркала,

несомненно, обусловивший своеобразие лирического послания «Ниоткуда с любовью...».

Цель данной статьи: осмысление стихотворения И. Бродского «Ниоткуда с любовью» в контексте авторской интерпретации образа волшебного зеркала.

Согласно символической традиции зеркало – символ «связи нашего мира с параллельным» [Зеркало 2005: 184]. Характерно бытующее в культуре утверждение амбивалентности феномена зеркальности. Именно зеркало представлялось «символом памяти, запечатлевшим все, что когда-либо в нем отражалось» [Зеркало 2005: 184]. Не менее знаковой становится идея, зародившаяся в XVIII веке, согласно которой «зеркало выявляет истинную сущность человека» [Зеркало 2005: 185].

Показательно внимание исследователей к феномену зеркальности как обладающему неисчерпаемой символической заряженностью. С точки зрения Л.Н. Столовича, зеркало «будучи универсальным отражателем <...> создает мир сверхреальный, иллюзорно-зеркальный» [Столович 1988: 45]. Не менее показательным фактором для феномена зеркальности, по определению С.Т. Золяна, становится возможность представить реальность как «мнимое, кажущееся отражение истинного мира» [Золян 1988: 39], в этом случае зеркало способно показать «истинную суть смотрящего в него» [Золян 1988: 39].

Показательна роль волшебного зеркала и в стихотворении И. Бродского «Ниоткуда с любовью...».

*Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
дорогой, уважаемый, милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить, уже не ваш, но
и ничей верный друг вас приветствует с одного
из пяти континентов, держащегося на ковбоях;
я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих;
поздно ночью, в уснувшей долине, на самом дне,
в городке, занесенном снегом по ручку двери,
извиваясь ночью на простыне –
как не сказано ниже по крайней мере –
я взбиваю подушку мычащим "ты"
за морями, которым конца и края,
в темноте всем телом твои черты,
как безумное зеркало повторяя. [Бродский 1994: 398]*

Стихотворение написано в 1975 году после отъезда И. Бродского из СССР и проникнуто духом изгнания. Одним из центральных в тексте становится образ безумного зеркала. Тема безумного зеркала и зазеркалья в начале стихотворения решается как проявление искаженности мира. Характерно, что лирический герой в поэтической системе И. Бродского принципиально автобиографичен. Не исключением является и лирическое послание «Ниоткуда с любовью...». Но адресат послания сознательно оказывается неясен, размыт и неизвестен:

*дорогой, уважаемый, милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить...*

Коды любовного послания, присутствующие в тексте, задают образ адресата. Данный адресат имеет прототип, отношения с которым были сложные, многогранные и неоднозначные. Речь идет о Марине Басмановой, талантливой художнице, близкой подруге и музе И. Бродского. В книге Л. Лосева рассказывается о любви И. Бродского к ней и том влиянии, которое ее образ оставил в лирике поэта. «Бродскому не было и двадцати двух лет, когда он 2 января 1962 года познакомился с Мариной Басмановой. Молодая художница была почти на два года старше. Умная, красивая женщина производила сильное впечатление на всех, кто с ней встречался. <...> Бродскому она казалась воплощением ренессансных дев Кранаха (в частности, он имел в виду эрмитажную «Венеру с яблоками»). <...> Стихи, посвященные “М. Б.”, центральны в лирике Бродского не потому, что они лучшие – среди них есть шедевры и есть стихотворения проходные, – а потому, что эти стихи и вложенный в них духовный опыт были тем горнилом, в котором выплавилась его поэтическая личность» [Лосев 2008: 72–73]. А. Ахматова, характеризуя впечатление, производимое М. Басмановой, заметила: «Тоненькая... умная... и как несет свою красоту! <...> Одна холодная вода» [Лосев 2008: 72].

Именно образ волшебного зеркала стимулирует двоякое определение адресата. В контексте авторского мифа в стихотворении совмещаются биографические подробности, значимые для И. Бродского, античные мифологемы, символика и интертексты, связанные с зазеркальем.

Античные мотивы задает тема забвения:

*...ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить, уже не ваши, но
и ничей верный друг...*

имплицитно вводя в текст мифологему Леты – реки «в царстве мёртвых, испив воду которой, души умерших забывают свою былую земную жизнь» [Тахо-Годи 1998: 315]. В античности Лета представлялась еще и необходимым средством для постижения запредельного. В статье А. Тахо-Годи «Лета» указывается, что «согласно сообщению Павсания (IX, 39, 8), вблизи пещеры Трофония в Лейбадее (Беотия) пришедшие спросить знаменитый оракул предварительно пьют воду из двух источников: Леты – забвения, чтобы забыть о заботах и волнениях, и Мнемосины – памяти, чтобы запомнить услышанное и увиденное в пещере» [Тахо-Годи 1998: 315]. Лета как персонафикация забвения, в то же время актуализирует значение памяти.

Кроме того, река Лета как водная стихия становится в стихотворении И. Бродского модификацией безумного зеркала и зазеркалья. Характерно, что зеркало таким образом одновременно в тексте становится амбивалентным символом памяти и забвения.

Зазеркалье как примета странного мира – «автономного от нашего мира, – своего рода антимира» [Левин 1988: 11] есть своеобразный знак авторского истолкования жанра послания. По определению И.В. Фоменко, в стихотворении воссоздается тип письма, обращенного к «несуществующему или условному адресату» или даже писем, «которые некому отправлять» [Фоменко 2012: 190]. Это своего рода «“записки самому себе”, где можно о чем-то не говорить» [Фоменко 2012: 190]. Согласно утверждению Ю. Левина, «непроницаемость зеркала <...> безмолвность и неосязаемость изображения соотносят изображение со сновидениями, призраками и вообще с иным потусторонним миром» [Левин 1988: 8].

Исповедальное начало лирического послания соотносится в подтексте с признанием греха гордыни и следствием отдаленности от адресата и взаимной отрешенности лирического героя и Бога.

*я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих;*

Принятие наказания моделируется по античному аналогу мук Сизифа и Тантала, а налагаемой карой оказывается изгнание и одиночество. В данном контексте строка «извиваясь ночью на

простыне» отражает нескончаемое переживание боли и страдания. В то же время это отсылка к жизни и творчеству Овидия. Достаточно вспомнить изгнание Овидия и то, что он автор «Метаморфоз».

В тексте И. Бродского метаморфозы также присутствуют. Возможность прохождения метаморфоз соотносится с темой безумного зеркала. По утверждению физиономиста XVIII века Джанбатиста дела Порти, «через кривые зеркала выявляется истинная животная, тотемная сущность человека» [Зеркало 2005: 185]. Лирический герой отождествляет себя со змеей: «извиваясь ночью на простыне», далее с мычащим животным: «я *взбиваю подушку мычащим “ты”*». Мычащая ипостась указывает как на безмерную грусть, отчаяние, тоску, так и становится знаком проклятия.

С точки зрения С.Ю. Артемовой, именно «акт говорения творит утерянный было лирическим героем мир», а «черты адресата возникают непосредственно после произнесения “мычащего *ты*”» [Артемова 2012: 203]. Но при этом не менее важен фактор автоиронии, который, совмещаясь с кодом любовного послания, делает текст перформативным. Перформативная наделенность высказывания возможностью производить действие – соответствует заклинательной функции, что способствует «как переживанию вместе с коммуникативным партнером магического обряда, так и самопознанию» [Фокина 2013: 114]. Перформативность высказывания в лирическом послании И. Бродского соответствует феномену зеркальности. Именно зеркало в стихотворении И. Бродского оказывается тем предметом, который позволяет осуществиться любовному заговору. Зеркало становится волшебным предметом, символически воплощая в себе потенциал поэтического слова.

Прохождение метаморфоз не противоречит идее зеркальности, а даже наоборот, подчеркивает возможность самого зеркала переживать метаморфозы. Завершением метаморфоз становится превращение лирического героя в зеркало, отражающего черты возлюбленной. Любящий, уподобленный волшебному зеркалу в тексте И. Бродского, обречен на одержимость памятью.

В конце стихотворения открыто явлен образ зеркала:

*в темноте всем телом твои черты,
как безумное зеркало повторяя.*

Слово *темнота* здесь, возможно, означает темное царство – подсознание. Появляется принципиальное расхождение с начальными

строками. Лирический герой помнит все до малейших подробностей и обречен на бесконечное переживание разлуки.

Призрачность самого лирического героя, погружившегося в забвение, требует отражения в ином мире. Лишь волшебное зеркало способно создать онирическое пространство – совмещая несовместимое – сон и реальность, и в этом пространстве приблизить лирического героя к его возлюбленной, утраченному прошлому и родине.

ЛИТЕРАТУРА

Артемова С.Ю. Человек vs. поэт в цикле «Части речи» // Иосиф Бродский : проблемы поэтики: [сб. науч. трудов и материалов] / [ред.: А.Г. Степанов, И.В. Фоменко, С.Ю. Артёмова]. – М. : НЛЮ, 2012. – С. 199–207.

Бродский И.А. Ниоткуда с любовью... // Собр. соч. : 4 т. – Т. 2. / [сост. Г. Ф. Комаров]. – СПб. : Пушкинский фонд, 1994. – С. 398.

Зеркало // Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / [авт.-сост. В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, В.Л. Телицын]; [под общ. ред. В.Л. Телицына]. – М. : ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. – С. 184–186.

Золян С.Т. «Свет мой, зеркальце, скажи...» (К семиотике волшебного зеркала) // Ученые записки тартуского государственного университета: Труды по знаковым системам № XXII : Зеркало. Семиотика зеркальности. К семиотике зеркала и зеркальности. – Тарту, 1988. – С. 32–44.

Крылова Л.А. Пространственно-временная организация стихотворения И. Бродского «Ниоткуда с любовью...» // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения: [междуз. сб. науч. тр.]. – М. : Московский гос. обл. университет, 2004. – С. 169–172.

Куллэ В. Структура авторского «я» в стихотворении Иосифа Бродского «Ниоткуда с любовью» // Новый журнал. – 1990. – Кн. 180. – С. 159–172.

Левин Ю.И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // Ученые записки тартуского государственного университета: Труды по знаковым системам № XXII : Зеркало. Семиотика зеркальности. К семиотике зеркала и зеркальности. – Тарту, 1988. – С. 6–24.

Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 447 с.

Столович Л.Н. Зеркало как семиотическая, гносеологическая и аксиологическая модель // Ученые записки тартуского

государственного университета: Труды по знаковым системам № XXII : Зеркало. Семиотика зеркальности. К семиотике зеркала и зеркальности. – Тарту, 1988. – С. 45–51.

Тахо-Годи А. Лета // Мифология. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. Е. М. Мелетинский]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 315.

Фокина С.А. Перформативность как фактор авангардной эстетики в цикле М. И. Цветаевой «Скифские» // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis № 130: Studia Russologica V.* – Krakow : Copyright Wydawnictwo Naukowe, 2013. – С. 106–116.

Фоменко И.В. Цикл «Части речи»: опыт интерпретации // Иосиф Бродский : проблемы поэтики: [сб. науч. трудов и материалов] / [ред. : А.Г. Степанов, И.В. Фоменко, С.Ю. Артёмова]. – М. : НЛЮ, 2012. – С. 187–198.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Н.В. Барковской